

ДЕТЕКТИВ & ПРИКЛЮЧЕНИЯ

★ Антон Иванов ★
★ Анна Устинова ★

Загадка исчезнувшего друга

КОМПАНИЯ
С БОЛЬШОЙ
СПАССКОЙ

Компания с Большой Спасской

АНТОН ИВАНОВ

Загадка исчезнувшего друга

«АНТОН ИВАНОВ, АННА УСТИНОВА»

2013

Иванов А. Д.

Загадка исчезнувшего друга / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2013 — (Компания с Большой Спасской)

Папа Олега в панике! Его лучший друг Александр Волков бесследно исчез по дороге домой. Все попытки семьи и друзей отыскать пропавшего или хотя бы выяснить, что с ним случилось, не приносят результатов. Александр Евгеньевич не попал в аварию, тело его тоже нигде не обнаружено, и никто не требует за него выкуп. За дело тут же берется Компания с Большой Спасской. Вскоре ребята находят в ангаре автосервиса машину, очень похожую на ту, вместе с которой пропал Волков, и...

© Иванов А. Д., 2013

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2013

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Загадка исчезнувшего друга

Глава I Бесследно исчез

– Ну, конечно же, папа, я тебя очень внимательно слушаю, – не отрывая глаз от журнала, заверил отца Олег.

– Я тоже, – старательно следя за происходящим на экране телевизора, сказала мама Олега, Нина Ивановна.

– Ну и о чем же я сейчас вам говорил? – осведомился Борис Олегович.

– Естественно, про машину, – ответила Нина Ивановна.

– Почему естественно? – с ходу завелся муж. – Можно подумать, что я больше ни о чем никогда не говорю.

– Боренька, ты только не волнуйся! – оторвавшись на секунду от телевизора, посмотрела на мужа Нина Ивановна. – Смотри, ты уже весь красный. У тебя снова подскочит давление. Давай лучше вместе смотреть. В кои-то веки хороший сериал показывают.

– О Боже! – с мелодраматическим видом всплеснул руками отец семейства. – Значит, какой-то идиотский сериал тебе дороже общения с мужем?

– Боренька, этот сериал совершенно не идиотский, – кротким голосом начала объяснять жена. – Он английский. По Кэтрин Куксон. Погляди, какие красивые натурные съемки. И кстати, сегодня последняя серия. Она через двадцать минут закончится. А потом ты мне все подробно расскажешь.

– Вот так всегда! – в сердцах топнул ногой Беляев-старший. – Я вожусь с этой идиотской машиной, а моим ближайшим родственникам глубоко на это наплевать. И вообще, я целыми днями из кожи вон лезу, чтобы моя семья могла жить по-человечески! И вот благодарность!

Борис Олегович умолк и посмотрел на сына. Олег был полностью поглощен журналом.

– С ним разговаривают, а он даже на минутку оторваться не может! – взревел глава семейства Беляевых.

Миг – и он выхватил журнал.

– Так-так, – уставился он на обложку, с которой на него задорно смотрела физиономия с зелеными волосами, серьгой в носу и пирсингом на длинном высунутом языке. – Что ты читаешь?

– Это музыкальный журнал, – пожал плечами сын.

– Я в твоём возрасте такое не читал, – брезгливо перелистав страницы, изрек отец.

– Естественно, не читал, – кивнул Олег. – Когда ты был в моём возрасте, у нас таких журналов не продавалось.

– Дело не в том, что продавалось или не продавалось, – продолжал бушевать отец, – а в удручающей узости твоего кругозора. Я, между прочим, в свои пятнадцать читал серьёзную литературу и ходил в консерваторию.

– Папа, но ты же мне сам рассказывал... – вспомнилось Олегу.

– Что я тебе рассказывал? – уставился на сына Борис Олегович.

– Ну, что вы Битлов слушали на магнитофоне, – продолжал тот. – И журналы самиздатовские доставали о западной музыке. А твоему другу Алику предки привозили из-за границы модные диски и фирменные журналы.

– А джинсами, Боренька, ты фарцевал в студенческие годы, чтобы концы с концами свести, – неожиданно вмешалась Нина Ивановна. – Алику родственники привозили, а толкали товар вы вместе.

– Нина! – взревел Борис Олегович. – Что ты несешь при ребенке?

Олег фыркнул.

– А ты не смейся! – обиженно пробубнил Борис Олегович. – Это сейчас я тебе смог обеспечить безбедное детство. А у нашей семьи в те годы было тяжелое материальное положение.

– Понимаю, папа, – изо всех сил сдерживаясь от смеха, сказал Олег.

– Ничего ты не понимаешь, – скорбно покачал головой Беляев-старший.

– Мальчики! – всплеснула руками Нина Ивановна. – Я вас умоляю! Дайте мне досмотреть фильм. Сейчас самая развязка! Поспóрьте, пожалуйста, в другой комнате.

– Пойдем, сын! – бросил укоряющий взгляд на жену Борис Олегович. – Здесь до нас никому нет дела!

Олег, нехотя положив журнал на диван, отправился вслед за отцом на кухню. Мальчик чувствовал: разговор теперь предстоит долгий, ибо предок завелся. Едва они вошли в кухню, как из глубины квартиры возникла коричневая такса. Заметив, что пес умильно косится на холодильник, Олег прикрикнул:

– Вульф! С тебя на сегодня хватит!

Пес тяжело вздохнул и устроился в ногах у мальчика.

– Я хочу тебе объяснить, – включив электрический чайник, снова заговорил Беляев-старший. – Твоя мать по поводу нас с Аликом совершенно не права. Повторяю: мы с ним в молодости не просто продавали джинсы, а боролись с нуждой.

– Ясно, папа, – кивнул Олег.

– Нет, тебе не может быть ясно! – заспорил Беляев-старший. – Вот заставить тебя на одну стипендию жить, тогда запоешь.

– Я пока еще в школе учусь, – напомнил Олег.

– И, слава Богу, живешь на всем готовом, – счел своим долгом подчеркнуть Борис Олегович. – Потому что твой папа нечеловеческими усилиями держит на плаву собственную фирму. А у меня в твоём возрасте не было такого папы.

– Жалко, – посочувствовал сын.

– Мне тоже, – кивнул Борис Олегович. – Теперь понимаешь, зачем мы с моим другом Аликом толкали с рук джинсы? Нам просто хотелось жить по-человечески.

– Но Алик-то вроде жил ничего, – ответил Олег. – Все-таки предки работали за границей.

– Алик всегда был моим близким другом! – воскликнул Беляев-старший. – Поэтому мы вместе толкали джинсы, которые его предки привозили из-за границы, а доходами мы делились поровну.

– А предки тоже были в доле? – поинтересовался Олег.

– А ты как думал, – не собиравшись скрывать правды отец. – Предки его копили деньги на строительство дачи. А нам с Аликом хотелось чувствовать себя независимыми. У нас потом даже еще и другие поставщики джинсов появились. И вообще, сынок, – доверительно добавил Борис Олегович, – теперь это называется нормальным бизнесом.

– А раньше? – полюбопытствовал Олег.

– Раньше таких, как мы с Аликом, называли спекулянтами, – немного смутился Беляев-старший. – Но все равно, те, кто могли, этим занимались. Дураков-то нет, а жить любому нормальному человеку охота. И вообще, для нас с Аликом это было хорошей закалкой. Как видишь, мы с ним вполне удачно вписались в новую жизнь.

– Алик-то вписался, – вошла в кухню Нина Ивановна. – А мы с тобой, Боренька, еще в процессе.

– У нас стартовые позиции были неравные, – ревниво заметил муж.

Это было всем известно. Построив на доходы от удачно реализованных джинсов и прочего заграничного ширпотреба большую дачу, родители Алика умудрились при активном участии сына очень выгодно ее сдать. Причем деньги были заплачены сразу за два года впе-

ред. Они-то и стали стартовым капиталом молодого бизнесмена. Борису Олеговичу пришлось гораздо труднее. Однако он не сомневался, что скоро догонит старого друга. Именно в этом Беляев-старший и принялся сейчас убеждать жену.

– Конечно, конечно, Боренька, – спешно согласилась та. – Только не волнуйся. У нас и так был сегодня тяжелый день.

– Зато удачный, – с довольным видом отозвался муж. – Во-первых, новую разработку французам впарили. А потом, я с машиной вроде бы наконец-то проблему решил.

– Решил? – удивилась Нина Ивановна. – Значит, все в порядке?

– Вот! – грянул Борис Олегович. – Так ты меня внимательно слушала! Может, и ты не слушал? – повернулся глава семейства к сыну.

– Да я... в общем... – замялся Олег. Он помнил, что громкий голос отца мешал ему сосредоточиться на статье о группе «Мумий Троль». Еще вроде бы папа что-то твердил про раннее и позднее зажигание. Однако суть речей Беляева-старшего до Олега так и не дошла.

– Что – в общем? – уже был готов снова впасть в праведный гнев Борис Олегович.

– Боренька, давай лучше попьем чайку, – ласково обратилась к нему Нина Ивановна.

– Нет, – уперся муж. – То есть вообще-то попьем, но сперва я хочу убедиться, насколько ко мне внимателен собственный сын.

– Папа, ты говорил, что тебе регулировали зажигание, – ляпнул наобум Олег.

– Молодец, сынок, – мигом расплылся в счастливой улыбке Борис Олегович. – Я тоже в твоём возрасте умел читать и одновременно слушать.

– Вот видишь, Боренька, а ты волновался, – вмешалась жена. – Ну, расскажи, как у тебя все прошло с этим сервисом.

– Если бы в остальных сервисах были такие же хорошие мастера, то мне не пришлось бы так долго мучиться, – начал Беляев-старший.

Около года назад папа Олега купил новую машину. Поначалу он очень радовался. Однако машина оказалась с нелегким характером. Она то не заводилась, то глохла в самые неподходящие моменты... По словам Бориса Олеговича, приобретя новую машину, он стал ездить больше на буксире, чем своим ходом. Ни один механик не смог помочь Борису Олеговичу. Осмотрев машину, мастера разводили руками, ибо никаких видимых дефектов не обнаруживали. Тогда Беляев-старший вознамерился продать неудачный экземпляр. Нина Ивановна такое решение не одобрила.

– Боренька, – заявила она. – Следующий экземпляр может оказаться еще хуже.

– Хуже некуда, – мрачно возразил муж, который как раз в очередной раз застрял на полпути между аэропортом Шереметьево и собственным домом.

– Ошибаешься, – покачала головой Нина Ивановна. – Эта машина хоть просто глохнет. А поменяешь на другую, у той вообще колеса на ходу отвалятся. Помнишь, что Прошечкины рассказывали?

У Прошечкиных, друзей Беляевых-старших, во время одной поездки на дачу отвалилось заднее колесо. Хорошо еще, скорость была небольшой. Зато в следующий выходной Прошечкин застрял на железнодорожном переезде, потеряв коробку скоростей. Лишь отчаянные усилия стрелочника, его жены и случайно оказавшихся рядом двух мужиков предотвратили железнодорожную катастрофу.

Слова жены заставили Бориса Олеговича задуматься. Тут старый друг Алик и вывел его на автосервис, которым сам был чрезвычайно доволен. Сегодня Борис Олегович там побывал и остался в полном восторге. Дефект наконец обнаружили и устранили. О чем счастливый глава семьи и поспешил сообщить жене и сыну. Однако те, к его возмущению, были поглощены своими делами.

Впрочем, Борис Олегович как заводился с пол-оборота, так легко и отходил. Прихлебывая душистый чай и закусывая шоколадкой, он с удовольствием принялся рассказывать по новой.

– Удивительно приятное заведение. С клиентом обращаются, как с дорогим гостем. А когда узнали, что я от Алика, даже кофе подали. Настоящий эспрессо.

– Я, Боренька, что-то не поняла, – усмехнулась Нина Ивановна, – ты в ресторан ездил или в автосервис?

– В том-то и дело, что в автосервис! – в полном восторге продолжал муж. – Пока я пил кофе, они полностью с моей машиной разобрались. Оказалось – надо было всего-навсего установить зажигание. Господи! Сколько я мучился! – добавил Беляев-старший. – А оказалось: дела на полчаса. И, главное, сервис совсем рядом с нами.

– Рядом с нами? – переспросила Нина Ивановна.

– В Коптельском переулке, – уточнил муж. – Они уже несколько месяцев назад открылись. А я и не знал. И вообще, разве это жизнь? – повысил голос глава семейства Беляевых. – Целыми днями пропадаем с тобой в этой чертовой фирме! Ничего не видим вокруг. Вон даже в соседнем переулке сто лет уже не был!

– Ну Боренька, это не так уж страшно, – принялась успокаивать Нина Ивановна мужа. – В Коптельском никогда не было ничего интересного. Мы и раньше с тобой туда не ходили.

– Дело не в том, ходили или не ходили, – капризно проговорил Беляев-старший, – а в принципе. У меня совершенно не остается времени на личную жизнь.

– Какую еще личную жизнь? – заметно встревожилась жена.

– Ну, когда мы с тобой, например, последний раз были в театре? – спросил муж.

– Совсем недавно, Боря, – отозвалась Нина Ивановна. – Месяц назад.

– Это не считается, – решительно заявил глава семейства.

– Почему? – удивилась Нина Ивановна.

– Я имею в виду самостоятельный поход в театр, – пояснил Борис Олегович. – По доброй воле. А тогда нас Прошечкины пригласили. На их премьеру. Если бы мы не пришли, они бы обиделись. А сам бы я в жизни на такой бред не пошел.

Олег засмеялся. Он тоже был вместе с родителями на этой премьере. Пьеса принадлежала перу модного драматурга Прошечкина. Главную роль исполняла жена Прошечкина. Хотя существовала ли в этом спектакле у кого-нибудь главная роль – Олег лично так и не понял. Дело в том, что сцена представляла собой огромный аквариум. Актеры с аквалангами на спинах плавали под водой и что-то усиленно изображали. Жена Прошечкина и еще один актер, Ромуальд Петров, известный широкой публике по нашумевшей телерекламе французского нижнего белья для мужчин, а также американских таблеток от несварения желудка, громко произносили текст.

Зал, наполненный модной публикой в изысканных вечерних туалетах, то и дело разражался восторженными аплодисментами. В антракте Прошечкина плотным кольцом окружили восхищенные поклонницы. Оттуда то и дело доносился писк: «Гениально! Потрясающе! Новое слово в отечественной драматургии! Революция в театре! Двадцать первый век!» Несмотря на столь шумный успех, Борис Олегович идти поздравлять Прошечкина категорически отказался. А на все доводы жены, что спектакль вышел «очень милым и даже оригинальным», возразил, что, по его мнению, все это «пошлость, профанация и скучища». Нина Ивановна едва уговорила мужа досидеть до конца второго акта. Борис Олегович скрепя сердце подчинился, однако через три минуты заснул и принялся, к возмущению окружающих, громко храпеть. Нине Ивановне было за него очень стыдно.

– А ты что смеешься? – строго посмотрела на Олега мать. – Не бери пример с отца. Он вообще ничего не понимает в театральном искусстве. А на спектакль Прошечкина, между прочим, до сих пор публика ломится. Билетов не достать.

– Дуракам закон не писан, – мигомотреагировал Борис Олегович.

– Ну, конечно! – вспыхнула обычно кроткая Нина Ивановна. – Все кругом дураки! Я, публика, критики, Прошечкины! Один ты у нас умный!

– Во всяком случае, не подчиняюсь стадным чувствам! – воскликнул Борис Олегович. – Ах, что говорить! – с трагическим видом махнул он рукой. – На Шекспира мне все равно пойти некогда!

– А, между прочим, Люда Прошечкина нас как раз в следующем месяце приглашает на Шекспира, – тут же сообщила жена. – В современном прочтении.

– В чем прочтении? – насторожился глава семейства Беляевых.

– Прошечкина, – сказала жена.

– И что же этот наш гений по-современному прочел? – допытывался Борис Олегович.

– «Ромео и Джульетту», – отозвалась Нина Ивановна. – Людмила – в главной роли.

– Людмила? Джульетта? – захохотал муж. – Да она в прабабушки ей годится!

– Не передергивай! – обиделась за подругу Нина Ивановна. – Людмила очень молодо выглядит.

– А Ромео, конечно, будет играть Петров? – еще больше развеселился муж.

– Да, – кивнула Нина Ивановна.

– И они снова в аквариуме будут плавать? – вмешался Олег.

– Совсем нет, – ответила мать.

– Сынок! – с наигранным пафосом провозгласил отец. – На сей раз они будут лазать по шведским стенкам.

– Откуда ты знаешь? – изумилась жена.

– Ах, значит, я разгадал замысел гениального Прошечкина! – хлопнул ладонью по столу Беляев-старший.

Нина Ивановна уже собиралась упрекнуть мужа за бестактность, но в это время зазвонил телефон.

– Никогда не дадут попить чаю спокойно, – проворчал Борис Олегович.

И, еще раз скороговоркою повторив, что «обоим Прошечкиным очень далеко до Шекспира», глава семейства Беляевых направился в гостиную, где лежала на журнальном столике трубка радиотелефона. Олег и Нина Ивановна слышали, как Борис Олегович весьма раздраженно проговорил: «Алло!» Затем настала длинная пауза, вслед за которой до сидящих на кухне донеслось:

– Нет-нет, Леночка, мы с Аликом не должны были сегодня встречаться. Да ты не волнуйся. Видно, дела какие-нибудь задержали.

Снова пауза. На сей раз довольно короткая.

– Как в четыре? Обещал отвезти тебя на дачу? – с явной тревогой воскликнул Борис Олегович. – И не перезвонил, что задерживается? И впрямь, совершенно на него не похоже!.. Ну, конечно, если узнаю, тут же тебе перезвоню. Но ты пока не особо пори горячку. Вдруг у Алика возникло что-нибудь совсем неожиданное. Ну, например, куда-нибудь срочно поехал... Мобильный? Ну, а если у него батарейки сели? Со мной такое сто раз случалось. Или в место такое попал, где мобильный не работает.

Услыхав это, Олег и Нина Ивановна разом кивнули. Борис Олегович вечно забывал подзарядить сотовый телефон.

– Полагаю, он скоро появится, – вновь послышался из гостиной наигранно бодрый голос. – И пусть сразу перезвонит мне. Ладно, до скорого.

Положив трубку, Борис Олегович возвратился к жене и сыну.

– Странное дело, – растерянно произнес он. – Алик куда-то девался. Они с Ленкой должны были ровно в четыре ехать на дачу. Алик часа в два ей звонил. И с тех пор от него ни слуху ни духу.

- А в офис Лена звонила? – с беспокойством осведомилась Нина Ивановна.
- Звонила, – подтвердил муж. – И в пять, и в шесть, и в половине седьмого. Пока все сотрудники не разошлись по домам. Он действительно в два уехал. И предупредил, что его до завтра не будет.
- Куда же он делся? – изумилась мама Олега.
- На Алика не похоже, – ответил Борис Олегович.
- Если бы, Боренька, это был ты – другое дело, – продолжала жена.
- Почему другое? – не понял Беляев-старший.
- Ты вечно забываешь позвонить домой, когда где-нибудь задерживаешься, – усмехнулась Нина Ивановна. – А вот Алик очень пунктуальный.
- Я тоже достаточно пунктуальный! – обиделся муж. – А если иногда позвонить домой забываю, то потому что занят. И голова от всех дел идет кругом. Посмотрел бы я на Алика, оказался он на моем месте.
- Он и на твоём месте остался бы таким же пунктуальным, – возразила жена.
- Приехали! – раскраснелся от возмущения Беляев-старший. – Выходит, он хороший, а я плохой!
- Боренька, ты не так меня понял, – примиряюще улыбнулась Нина Ивановна. – Вы оба очень хорошие. Просто совершенно разные.
- Так бы сразу и сказала, – мигом остыл Борис Олегович. – Но куда же он делся-то, а?
- Может, похитили? – высказал предположение Олег.
- Типун тебе на язык! – замахала руками Нина Ивановна.
- У него один криминал на уме, – пытливо уставился на сына Борис Олегович. – Опять вместе со своими оболтусами влез в какое-нибудь дело?
- Что ты, папа! – поторопился уйти от опасной темы Олег. – Нам вообще сейчас некогда.
- Чем же это, интересно, вы так заняты? – полюбопытствовал Беляев-старший.
- Уроками, – со всей серьезностью, на которую только был способен, отозвался Олег.
- Что-то не замечаю, – не оставляла подозрительность отца.
- Но, папа, – кротко продолжал мальчик, – ты же сам мне все время говоришь, что я уже в десятом классе и всего через полтора года нужно будет поступать в институт.
- Вот именно, Боренька, – вступилась Нина Ивановна за сына. – Олежка старается.
- В прошлом месяце он тоже старался, – не успокоили Бориса Олеговича слова жены. Олег ничего не ответил. В прошлом месяце он и шестеро его друзей-одноклассников провели одно из самых рискованных своих исследований.
- Папа, а машина-то у тебя теперь хорошо работает? – срочно перевел разговор на другое Олег.
- Зверь! – с довольным видом кивнул отец. – Кстати, в этом сервисе, – увлеченно продолжал он, – клиентам предоставляют месячную гарантию. Так что, если опять начнет глохнуть, мне сделают ремонт бесплатно.
- Замечательно, Боренька! – обрадовалась Нина Ивановна. – Только вот что же все-таки с Аликом? – совсем другим тоном добавила она. – Только бы не попал в какую-нибудь аварию.
- Надеюсь, что обойдется, – ответил муж. – Хотя, – посмотрел он на часы, – уже одиннадцать, а он все не звонит. Значит, еще не вернулся.
- На семь часов опаздывает, – охнула Нина Ивановна. – Нет, Боренька, боюсь, тут что-то не так.
- Вечно ты, Нина, разводишь панику раньше времени, – возразил Борис Олегович, хотя и сам уже не на шутку тревожился за старого друга.
- Ничего себе, раньше времени, – заспорила Нина Ивановна. – Алик обычно, даже когда на десять минут опаздывает, обязательно предупреждает. А тут семь часов – и ни единого звонка домой. Кстати, зачем им на дачу сегодня понадобилось? Ведь будний день.

– Тещу в город перевезти, – пояснил муж. – Ей завтра надо к врачу. Ленка с ней заранее договорила.

– Тем более непонятно, – воскликнула Нина Ивановна. – Выходит, Алик знал, что их на даче ждут.

– Выходит, – помрачнел папа Олега.

– Я бы Леночке посоветовала заявить в милицию, – сказала Нина Ивановна.

– Я бы тоже, – вырвалось у Олега.

– Ну, естественно, – повернулся к нему отец. – У тебя большой опыт в таких делах.

– Кое-какой есть, – не было смысла скрывать Олегу.

– И большие связи, – добавил отец.

Связи и впрямь были. С майором милиции Владимиром Ивановичем Василенко, который неоднократно приходил на помощь Олегу и его друзьям в критических ситуациях.

– Могу позвонить Владимиру Ивановичу, – предложил мальчик.

– Этого еще не хватало! – воскликнул отец. – Без вас с вашим Владимиром Ивановичем разберутся. И вообще, я не собираюсь Ленку пугать на ночь глядя. Тем более что думаю, что Алик скоро вернется. А ты, Олег, вообще отправляйся спать.

– Действительно, – поддержала мужа Нина Ивановна. – Тебе ведь, Олег, завтра в школу.

Мальчик нехотя поднялся на ноги. Вульф, наоборот, очень бодро засеменил в комнату любимого хозяина.

Когда Олег вошел, пес уже с комфортом расположился на коврикe возле кровати. Мальчик быстро разделся и лег. Из кухни доносились приглушенные голоса родителей. Насколько мог понять Олег, папа хотел созвониться с Аликом, но Нина Ивановна отговаривала его. Наконец родители тоже отправились спать. «А ведь Алик предку так и не перезвонил», – уже засыпая, отметил Олег.

Впрочем спать ему пришлось недолго. Телефонный звонок разбудил Олега как раз в тот момент, когда он во сне вызволял Таню из бандитского логова.

– Танька, ты? – еще не совсем проснувшись, схватил трубку мальчик.

– Это не Таня, а Лена, – пролепетали на том конце провода.

– Не знаю никакой Лены, – решительно заявил Олег.

– Вернее, Елена Викентьевна, – поправила собеседница. – Я жена Александра Евгеньевича.

– Он вернулся? – тут же спросил Олег.

– В том-то и дело, что нет, – с грустью проговорила Елена Викентьевна. – Позови, пожалуйста, папу или маму.

– Сейчас.

Едва не наступив в темноте на спящего Вульфа, Олег бросился в спальню родителей.

– Вас к телефону!

– Нина! Опоздали! – взвился на кровати Борис Олегович.

– Куда, Боренька? – приподняв голову с подушки, осведомилась жена.

– Ты еще спрашиваешь! – воскликнул отец семейства. – У нас сегодня с утра итальянцы!

– Именно что с утра, – успокоилась Нина Ивановна. – А сейчас три часа ночи.

– Три часа? – возопил Борис Олегович. – Тогда на кой черт ты нас будишь? – повернулся он к сыну.

– Вас к телефону, – объяснил тот. – Тебя или маму.

– Пусть позвонят позже. А то совсем народ охамел, – возмутился Беляев-старший.

– Это не народ, – внес ясность Олег, – а Елена Викентьевна.

– Что же ты раньше молчал? – кинулся босиком в гостиную Борис Олегович. – Лена? – немедленно послышалось оттуда. – Ну, что, нашелся? Как, все еще нет? Где же он? Почему не знаешь?

Поняв по репликам мужа, что дело плохо, мама Олега тоже поспешила в гостиную.

– Леночка! – выхватила она трубку у Бориса Олеговича. – Ты погоди пороть горячку. Давай лучше подумаем, что делать. Ты в милицию... Ах, уже звонила. И в аварию он ни в какую не попадал?.. Значит, сведений нет. Вот Боренька вечером говорил: может, Алик где-нибудь заглох и стоит?.. Ну, вообще-то, конечно, слишком уж много времени прошло.

– Настолько много, – пробубнил себе под нос Олег, – что сто раз можно было пешком добраться до какого-нибудь населенного пункта, где есть телефон.

Разговор в гостиной тем временем продолжался. Олег ловил каждое слово. По репликам матери легко было понять, что говорила Елена Викентьевна. Куда отправился Алик после работы, никто из его подчиненных не знал. Лена успела обзвонить буквально всех. Оказалось, подчиненные были уверены, что шеф поехал сразу домой. Похоже, у него было какое-то дело, о котором он, в силу неизвестных причин, ничего никому не сказал.

Далее мама Олега начала советовать Елене Викентьевне, куда еще нужно обратиться. Но оказалось, что та уже приняла все меры.

– Тогда даже не знаю, что еще тебе посоветовать, – растерянно произнесла Нина Ивановна. – Да... наверное, Леночка, ты права... Утро вечера мудренее... Конечно, будем надеяться на лучшее. Вот Боренька спрашивает: тебе ничего не надо? На нем прямо лица нет. Может, мы сейчас вместе к тебе приедем? Ах, приняла снотворное. Ну, тогда ложись. А завтра, как проснешься, звони нам... Ну, как всегда. Или домой. Или если позже – то на фирму.

– Скажи ей, что я завтра по своим каналам наведу справки! – крикнул Борис Олегович.

Нина Ивановна повторила. Затем попрощалась с Леной.

– Так, – выждав, когда она повесила трубку, сумрачно произнес Борис Олегович. – Боюсь, с Аликом произошла беда. Просто не знаю, что делать.

Глава II

Компания с Большой Спасской

Когда на следующее утро зазвонил будильник, Олег едва смог подняться с постели. Он совершенно не выспался. Телефонные переговоры Елены Викентьевны и родителей продолжались с небольшими перерывами почти всю ночь, и Олег уснул лишь на рассвете.

Нашарив тапочки, мальчик прошел на кухню. Там завтракали Беляевы-старшие. Вид у них был подавленный.

– Не нашелся? – спросил Олег.

Борис Олегович покачал головой.

– Ни слуху ни духу.

– Просто ужас, – вздохнула Нина Ивановна.

– Нам пора, – поглядел на часы Борис Олегович.

Родители поспешили в переднюю.

– Скорей, скорей, – торопил жену Беляев-старший. – Через полчаса итальянцы придут. А ты, – повернулся он к сыну, – не забудь погулять с Вульфом.

Родители отбыли к себе на фирму. Олег, выпив стакан сока, быстро выгулял пса и отправился в школу.

Идти ему было недалеко. Родная две тысячи первая стояла сразу за его домом. Едва миновав собственный двор, за которым начинался Портняжный переулок, Олег увидал четверых близких друзей – Женьку, Тemyча, Катю и Таню. Они стояли возле металлических ворот, отделяющих дом и двор Олега от улицы.

Компания их, которую теперь чаще всего называли Компанией с Большой Спасской, сложилась еще в младшей группе детского сада. Затем всех пятерых определили в первый класс «В» школы номер две тысячи один, и вот теперь они уже благополучно учились в десятом. Правда, теперь он уже назывался не «В», а «Б». Ибо из оставшихся учеников трех бывших девятых классов в этом году сделали два. Но самое главное, что пятеро друзей уже два года подряд умудрялись самостоятельно раскрывать самые настоящие преступления¹. Как говорил по этому поводу классный руководитель Андрей Stanisлавович, «они словно притягивают к себе криминал». Так это было или не так, но всего каких-нибудь две недели назад Компания с Большой Спасской завершила свое четырнадцатое расследование.

– Ты чего такой мрачный? – первой двинулась навстречу Олегу голубоглазая, светлoво-лoсая Таня.

– Не выспался, – объяснил тот. – Предкам всю ночь звонили.

– Кто? – немедленно заинтересовался долговязый Женька.

– Жена друга, – был краток Олег.

– Понятно, – захохотал Женька.

– Зря смеешься, – не разделил его веселья Олег. – У нее муж пропал.

– Ясенько, ясенько, – откинув со лба прядь черных, как смоль, волос, фыркнула Катя. – Слышали мы такие трагические истории. Полагаю, у этой жены вашего друга муж вышел вечером за кефирчиком или за минеральной водичкой. И так далеко ходил, что вернулся только под утро.

¹ Подробно об этом читайте в книгах А. Иванова и А. Устиновой «Тайна черного призрака», «Загадка американского родственника», «Загадка Клетчатого», «Загадка старинной куклы», «Загадка ночного стука», «Загадка салона «Маня», «Загадка закрытого люка», «Загадка серебряного медальона», «Загадка домашнего привидения», «Загадка случайного попутчика», «Загадка бронзового льва», «Загадка ловких мошенников», «Загадка назойливых звонков», «Загадка почтового голубя», вышедших в серии «Черный котенок». (Прим. ред.)

- Он совсем не вернулся, – покачал головой Олег.
- Бывает, что и совсем, – ничуть не обескуражило его заявление Катю.
- Привет, мальчишки-девочки! – раздался в это время бодрый возглас их одноклассницы Маши Школьниковой. – Чей это там мужик не вернулся?
- Друг Олеговых предков, – услужливо пояснил Женька. – За кефиром пошел...
- При чем тут кефир? – уже охватывало раздражение Олега.
- Ну не за кефиром, какая разница, – никогда не волновали подобные мелочи Женьку. – Главное, что из дома ушел, и жена всю ночь его у разных друзей искала.
- Мужик-то крутой? – по-деловому осведомилась Школькова.
- Бизнесмен, – начал объяснять Олег. Он хотел к этому добавить, что Александр Евгеньевич Волков ушел совсем не за кефиром. Но тут Школькова перебила:
- Раз бизнесмен, то все ясно. В баню поехал париться.
- А почему жену не предупредил? – глянул исподлобья на Школькова низенький, щуплый Темыч.
- Тебе не понять, – глянула на него сверху вниз Школькова.
- Почему это не понять? – возмутился Темыч.
- Потому что опыта в личной жизни маловато, – процедила сквозь зубы Машка. – Вон у матери один друг в бане целых три дня с компанией парился. А домашние искали. Но ничего. Потом вернулся как миленький.
- Александр Евгеньевич не такой, – убежденно произнес Олег. – Он любит свою жену.
- Это когда с ней, то любит, – с бывалым видом отозвалась Школькова. – А когда без нее... – и она выдержала выразительную паузу.
- Ничего подобного, – вновь возразил Олег. – Александр Евгеньевич совершенно другой.
- Где же он тогда всю ночь ошивался? – спросил Женька.
- Если бы вы меня не перебивали, – с упреком ответил Олег, – то я бы успел вам сказать, что Александр Евгеньевич до сих пор не появился. И ушел он не вечером за кефиром, а выехал днем с работы домой.
- Значит, одно из трех, – снова вмешалась Школькова. – Или попал в аварию. Или украли. Или вообще шлепнули.
- Есть и четвертое, – с важным видом изрек маленький, щуплый Темыч. – На него могли конкуренты наехать. Вот он и лег на дно.
- Ну до чего же у нас умный Темочка! – просюсюкала Катя.
- Не глупее некоторых, – обиженно засопел тот.
- Он давно уже был влюблен в Катю. Та это прекрасно знала и постоянно над ним подтрунивала. Темычу было очень обидно. Однако он терпел и надеялся на лучшее. Хотя пока личная жизнь у него продвигалась плохо. Темычу мешал рост. Вернее, почти полное его отсутствие. В свои пятнадцать лет он выглядел так, словно ему было всего двенадцать, а лицом больше смахивал на девочку. Правда, Темин отец, Никита Владимирович, тоже то ли до пятнадцати, то ли до шестнадцати лет никак не рос. Зато потом всего за каких-нибудь несколько месяцев резко вытянулся и возмужал. Словом, перспективы у Темыча были. Однако пока ему приходилось нелегко.
- Может, ты и не глупее некоторых, – продолжала Катя. – Но только Машка права. Опыта у тебя в личной жизни пока маловато.
- Откуда у этой микроспоры может быть личный опыт, – никогда не воспринимала Темыча всерьез Школькова.
- Темыч, покраснев, словно помидор, сжал кулаки и с громким сопением двинулся на Машку.
- А ну, прекрати! – вклинился между ними очень вовремя подоспевший Лешка Пашков.

– Сгинь, Ребенок, – легко отодвинула Школьникову мощной дланью Лешку. – Я с ним сама разберусь.

– Чего случилось-то, а? – решил выяснить Лешка.

– Моя Длина... – начал было Темыч.

– Как ты меня назвал? – взвыла Школьникова.

Пухлую блондинку Машу Школьникову ребята чаще всего называли Моей Длиной. Прозвище это она заработала несколько лет назад за крайне экстравагантную манеру одеваться. Однажды она явилась в класс в ярко-красной юбке из какой-то блестящей синтетики. Впрочем, юбкой это можно было назвать лишь символически. Класс изумленно охнул. Нижняя часть Маши Школьниковой особым изяществом не отличалась.

– Ну, ты, Машка, даешь! – вырвалось тогда у непосредственного Пашкова. – Все прямо наружу! Как у настоящей фотомодели.

– Много ты понимаешь, Ребенок, – подбоченилась Школьникова. – Это просто теперь моя длина и мой стиль.

С той поры прозвище Моя Длина прочно прилипло к Маше. Правда, звали ее так за глаза. Школьникова обладала крепким телосложением и могла с ходу врезать. В чем сейчас лишний раз убедился допустивший оплошность Темыч.

– Еще раз, шмакодавка, вякнешь – пеняй на себя, – погрозила ему кулаком Школьникова.

Темыч собрался достойно ответить на «шмакодавку», но тут Катя быстро перевела разговор:

– Слушай, Олег, расскажи скорей, чем с этим вашим Аликом-то кончилось? А то скоро уроки начнутся.

– Какой Алик? Чем кончилось? – мигом встрепенулся Пашков. – Опять что-то нарыли?

– Ничего мы пока не нарыли, – покачал головой Олег. – Просто у моих предков старый друг пропал.

– Совсем пропал? – заблестели глаза у Лешки.

– Пока совсем, – подтвердил Олег. – Жена ждала его вчера всю вторую половину дня. И целую ночь. И к утру он не появился. А обычно предупреждает, даже если где-нибудь задерживается на несколько минут.

– И он еще говорит, что ничего не нарыли! – возмутился Пашков, принимавший вместе с Моей Длиной участие в нескольких последних расследованиях Компании с Большой Спаской. – По-моему, – он потер руки, – нам пора приниматься за дело.

– Разбежался, Ребенок, – процедила сквозь зубы Моя Длина. – Неопытные вы люди, – окинула она покровительственным взглядом всю компанию. – Говорю же, в наших кругах это обычное дело. Убеждена, что к вечеру, как ни в чем не бывало, появится. Естественно, с ценным подарком жене.

– Машка знает, – с восхищением посмотрел Пашков на Мою Длину.

– Уж как-нибудь, – подтвердила она.

Мать у Школьниковой была официальным дилером одной крупной французской фармацевтической фирмы, держала аптеку у Красных Ворот, а также вела торговлю парфюмерией и цветами. На этом основании Моя Длина причисляла себя к «современной российской буржуазии», одевалась только в крутых бутиках и вообще старалась держаться соответственно. В классе над ней посмеивались. Один лишь Пашков относился к Школьниковой с полным восторгом. Однако его положение было не лучше, чем у Темыча. Ибо для Моей Длины существовал лишь один мужчина на свете – их классный руководитель Андрей Stanisлавович. Лешку же она покровительственно называла Ребенком.

– В общем, не берите в голову, – добавила Моя Длина. – Вернется ваш Алик.

– Хотелось бы верить, – вздохнул Олег. – А то предки у меня просто сами не свои. И вообще, Александр Евгеньевич – отличный мужик.

– Слушай, Олег, – не унимался Пашков. – А тачка-то у Александра Евгеньевича хорошая?

– Ничего особенного, – внес ясность тот. – «БМВ», но подержанный.

– А ты говорил, что он у вас крутой, – разочарованно протянула Моя Длина.

– Крутой, – подтвердил мальчик в очках. – Просто не любит привлекать к себе внимание. И вообще, у него на фирме куча машин. Когда всякие официальные мероприятия, он ездит с шофером на действительно шикарной тачке. А для семейного пользования предпочитает что-нибудь попроще.

– Значит, есть, что скрывать, – немедленно заявила Моя Длина. – Тогда он может оказаться даже гораздо круче, чем кажется.

– Тебя не поймешь, – проворчал Темыч. – То если старая тачка – то не крутой. А то – совершенно наоборот.

– Разбираться надо в нюансах, – не удостоила его даже взглядом Моя Длина.

– А он вчера-то на своей подержанной тачке ездил или на шикарной с шофером? – продолжал расспросы Пашков.

– Далась тебе его тачка, – поморщился Олег.

– Лешенька любит хорошие тачки, – произнесла нараспев Катя. – Особенно «Линкольны».

– Да ладно тебе, – добродушно улыбнулся Пашков. – А про тачку я не случайно спрашиваю. Если бы ваш Алик был на дорогой тачке, его из-за нее могли угрохать.

– Это запросто, – подтвердила Моя Длина.

– Отпадает, – возразил Олег. – Елена Викентьевна говорила предкам, что Александр Евгеньевич вчера целый день был сам за рулем. И вообще, Лешка, зря суетишься. Думаю, он уже нашелся.

– А я в этом просто не сомневаюсь, – стояла на своем Моя Длина.

Тут из школы послышался звонок.

– Бежим! – скомандовал Олег. – Нам еще надо в раздевалку пробиться!

– И к тому же сейчас химия, – бодрым голосом подхватил Женька. – А я как раз сегодня ее не выучил.

И, расталкивая толпу в дверях, он первым ринулся в школу. Раздевалка оказалась, на удивление, пустой. Точнее, народ там, конечно, был. Однако Компания с Большой Спасской протолкалась внутрь и вышла наружу почти без боя.

– Ну ты молодец, – уже поднимаясь по лестнице, обратился Олег к Женьке. – Алевтина же предупредила, что будет сегодня тебя спрашивать.

– Знаю, – развел руками Женька. – Но так получилось.

– У тебя всегда как-то так получается, – назидательно заметил Темыч.

– Да я вообще-то вчера хотел химию выучить, – отозвался Женька. – Но меня мать отвлекла.

– Вот зато сегодня тебя Алевтина развлечет, – вклинилась Катя. – Влепит двойку, а потом будешь все каникулы пересдавать.

– Я раньше пересдам, – отмахнулся Женька. – До каникул-то еще целых три недели.

– По-моему, проще было бы выучить, – закатила глаза Катя. – Но легкие пути не для нашего Женечки. Он у нас любит преодолевать трудности.

– Не-ка, не люблю, – обезоруживающе улыбнулся Женька. И, взъерошив двумя руками и без того растрепанную длинную шевелюру, добавил: – Просто у меня так получается.

Ребята вошли в химический кабинет. В это время прозвенел второй звонок. Женька уныло поплелся на место и на всякий случай пригнулся так, чтобы не слишком бросаться в глаза. У него еще теплилась надежда, что Алевтина Борисовна забудет о своем обещании. Женька по опыту знал: в таких случаях главное – не высовываться.

Алевтина, однако, не появлялась. Прошло уже больше пяти минут, а ее все еще не было.
– Вдруг совсем не придет, – прошептал Женька на ухо Темычу.
– Надейся, – сварливо откликнулся тот. – Алевтина всегда приходит.

Однако Темыч на этот раз ошибся. Вместо тощей и нервной Алевтины Борисовны в кабинет вошел пожилой и грузный учитель литературы Роман Иванович.

– Попрошу внимания, – густым басом прогудел он. – Алевтина Борисовна заболела. Поэтому мы сейчас проведем внеочередной урок литературы.

– Всю жизнь мечтали, – громко изрекла с задней парты Моя Длина.

– Встать, Школьников! – приказал Роман Иванович.

– Могу и встать, – лениво поднялась на ноги Моя Длина.

– Вот постой, Школьников, и подумай, как нужно с учителем разговаривать, – кинул на нее мстительный взгляд литератор.

Вдруг глаза у Романа Ивановича хищно блеснули, и он вкрадчиво произнес:

– Нет, Школьников, я передумал. Чем зря стоять, лучше выйди к доске и прочти нам, пожалуйста, наизусть стихотворение Некрасова «Муза».

– Роман Иванович, вы не имеете права! – немедленно заявила Моя Длина.

Рот у литератора изумленно раскрылся. Толстое лицо и лысина налились краской. Раньше Роман Иванович преподавал в Суворовском училище и был поклонником железной дисциплины.

– Что значит «не имею права»? – возмущенно пробасил он. – Тут тебе класс, а не дискотека. Мне лучше знать, что я могу иметь и что не могу!

– Нет, не имеете, Роман Иванович, – уперлась Школьников.

Роман Иванович от такой дерзости на мгновение онемел, затем потребовал:

– Поясни позицию, Школьников.

– Ну, молодец, Машка, – прошептал Пашков на ухо Олегу. – Грамотно время тянет.

– Поясняю, Роман Иванович, – уверенно продолжала Школьников. – У нас какой сейчас урок?

– Литературы, – ответил пожилой учитель.

– Нет, – возразила Школьников. – У нас по расписанию первый урок химия. Значит, сейчас вы имеете право спрашивать меня только по химии.

– Что-что? – уставился на нее литератор.

– Ваш урок по расписанию пятый, – спокойно продолжала Школьников. – Вот на пятом уроке, если хотите, я вам и прочту стихотворение.

– Какая разница? – пожал плечами Роман Иванович. – Первый урок. Пятый урок... Я вам на сегодня задал выучить стихотворение Некрасова. И теперь ты, Школьников, должна мне его ответить.

– Нет, не должна, – гнула свое Школьников. – У меня до пятого урока еще есть время. Я как раз рассчитала, что за перемены как следует выучу вашего Некрасова.

– Некрасов не мой! – разгневался Роман Иванович. – Его гений принадлежит народу!

– А мне без разницы, – отмахнулась Моя Длина. – Пусть народу принадлежит. Только я вам, Роман Иванович, раньше пятого урока отвечать отказываюсь.

Тут терпение у Романа Ивановича окончательно лопнуло. Оглушительно треснув кулаком по столу, он взревел:

– Школьников! К доске, я сказал!

– Не пойду, – вновь отказалась Школьников.

– Она не пойдет! – захохотал Марат Ахметов. – Вот если бы вы, Роман Иванович, попросили ее пересказать какой-нибудь любовный роман... А ничего другого она не читает!

– Заткнись, новый русский! – кинулась с кулаками Моя Длина на Марата.

Тот бросился по проходу.

– Ахметов, на место! Школьников, к доске!

Чувствуя, что ситуация окончательно выходит у него из-под контроля, Роман Иванович вскочил на ноги. Точнее, он попытался вскочить, однако тут же почувствовал, что не может отделиться от стула. То есть тело Романа Ивановича от стула отделилось, а вот брюки категорически воспротивились. Поэтому, неловко подскочив вверх, грузный литератор вновь опустился на стул. Не поняв, что с ним происходит, учитель повторил попытку, однако результат оказался прежним. По классу прокатились смешки.

– Что это с ним? – изумленно спросил Олег у Пашкова.

– Не знаю, – ухмыльнулся Пашков. – Но, по-моему, Роман прилип.

– И когда ты только успел? – еще сильнее удивился Олег.

– Что успел? – вытаращился Лешка.

– Тебе виднее, что ты там сотворил у Романа со стулом, – ответил Олег.

– Я ни при чем, – покачал головой Лешка. – Это кто-то другой.

Обычно подобные шуточки приходили на ум именно изобретательному Пашкову. Поэтому Олег счел своим долгом спросить:

– Тогда кто же, по-твоему, это сделал?

– Тот, кто сделал, мне не докладывался, – внес некоторую ясность Лешка.

Олег внимательно оглядел класс. Часть ребят бурно веселилась. Похоже, что те, кто явились в класс загодя, были в курсе дела. Тут Олег встретился взглядом с Вадиком Богдановым. Губы у того кривились в ехидной усмешке. Теперь у Олега сомнений не было. Это работа Вадика.

Моя Длина тем временем догнала Марата Ахметова и со всей силой заколотила кулаками по его атлетической спине. Но здоровяк Ахметов лишь хохотал в ответ.

– Школьников, прекратить! – уже срывался на визг голос у Романа Ивановича. – Ахметов, на место!

Учитель в который раз попытался встать. Проклятый стул словно вцепился в брюки и не отпускал.

– Школьников, подойди. Мне нужна твоя помощь, – взмолился литератор.

– Именно ее помощь? – тут же осведомился Ахметов. – Может, я тоже сгложусь?

– Сгодишься, – легко согласился Роман Иванович.

– Вам плохо? – заволновалась Моя Длина.

– Поднимите меня! – потребовал литератор.

Ахметов и Моя Длина подхватили учителя под руки.

– Раз-два, взяли! – скомандовал Марат.

Литератору наконец удалось встать, но вместе со стулом. Спинка не давала окончательно распрямиться.

– Школьников! Ахметов! – отдал новое распоряжение учитель. – Отделите от меня эту шутку.

Марат только сейчас разобрался, в чем дело, и бестактно захохотал. Моя Длина попробовала оторвать стул, но не тут-то было. Он будто слился с брюками в единое целое.

– Держится зашибись-умри, – вынесла свой вердикт девочка. – Придется вам, Роман Иванович, штаны снимать.

Марат еще громче расхохотался. Класс уже просто рыдал.

– Зачем штаны? – встревожился пожилой учитель.

– Иначе от стула никак не избавитесь, – уверенно произнесла Моя Длина.

– И вообще, – подхватил Марат. – Дальше может быть хуже.

– Куда уж хуже, – пробасил Роман Иванович.

– Не скажите, – покачал головой Ахметов. – Пока у вас только брюки прилипли. А если потом к коже приклеится?

– Из кожи, Роман Иванович, не вылезете, – сказала Моя Длина.

– Да чего же на этом стуле было? – взревел Роман Иванович.

– Так это же ведь химический кабинет! – выкрикнул с места Пашков. – Алевтина небось какой-нибудь реактив вчера пролила и не заметила. За ночь у реактива со стулом прошла реакция. Вот вы сегодня и прилипли.

– Роман Иванович, раздевайтесь, – увещевала Моя Длина. – А то будет поздно. Вдруг этот реактив ядовитый?

– Как? Прямо здесь раздеваться? – растерялся пожилой учитель, которому за почти пятьдесят лет безупречной работы в школе никто еще не делал подобных предложений.

– Это уж вы сами решайте, где вам удобнее, – деловито проговорил Марат. – Хотите, прямо здесь. А не хотите, мы вас вместе со стульчиком в учительскую проводим.

– Может, все-таки, не раздеваясь, отлепим? – предложил Роман Иванович. – Попробуй, Школьникова, потяни сильнее.

– А если брюки порвутся? – не торопилась выполнять приказ Моя Длина.

– Тогда лучше не тяни, – удрученно произнес Роман Иванович.

Поразмыслив немного, он пришел к выводу, что ситуация складывается сложная. Конечно, проще всего было бы раздеться прямо в классе. Однако Роман Иванович уже достаточно натерпелся с этим бурным содружеством «В». У старого учителя не было никаких сомнений: разденься он сейчас перед всем классом, и авторитет его упадет окончательно. «Вполне вероятно, – пронеслось в голове у литератора, – что именно с этой целью меня кто-то из них и приклеил к стулу. Но если и так, враги просчитались. Я – стрелянный воробей. Меня голыми руками не возьмешь». Словом, решение было принято. И Роман Иванович коротко распорядился:

– В учительскую.

Марат взял согнувшегося пополам литератора под руки. Моя Длина схватила стул за ножки. Так он хотя бы не бил учителя на ходу по ногам и по спине. Издали можно было подумать, что Школьникова и Ахметов сопровождают какую-то венценосную особу со шлейфом.

– Вперед, – изрек Роман Иванович, и они, семеня, тронулись в путь.

В это время по коридору шли директор две тысячи первой школы, Михаил Петрович, и его доблестный заместитель по хозяйственной части, Арсений Владимирович. Увидав причудливую процессию, оба остановились.

– Роман Иванович! – в полном недоумении воззрился директор школы на полусогнутого литератора. – Что с вами? Радикулит?

– Стул, – прохрипел учитель.

– Стул мы видим, – мигом оценил обстановку бывший кадровый офицер Арсений Владимирович. – Но зачем вам понадобилось его на спине носить?

– Он прилип, – пояснила Моя Длина.

– Совсем прилип, – добавил Марат Ахметов. – Не оторвешь. Можете сами попробовать.

– А ну, – отодвинул Мою Длину доблестный заместитель директора.

Он дернул за стул. Роман Иванович покачнулся. Брюки предательски затрещали.

– Осторожней! – в последний момент подхватил литератора Ахметов. – Вы же его так уроните.

– Не отлипает, Петрович, – обратился к своему непосредственному начальнику Арсений Владимирович.

– Дела-а, – поскреб пятерней затылок директор. – Где ж ты, Роман Иванович, такой стул зловердный нашел?

– В кабинете химии, – по-детски обиженным тоном пробасил литератор. – Помогите мне сесть. Спина устала.

И он с помощью Школьниковой и Ахметова опустил все на тот же злополучный стул, который, можно сказать, уже почти стал его неотъемлемой частью.

– Роман Иванович, а если и впрямь к телу прилипнет? – вновь предостерегла Школькова.

– Раз до сих пор не прилип, то, может, вообще не прилипнет, – обреченно махнул рукой литератор.

– Если стул из химического, то можешь и прилипнуть, – возразил Арсений Владимирович. – Наверное, Алевтина Борисовна что-нибудь пролила.

– Случайно, – выразительно косясь на Ахметова и Мою Длину, счел своим долгом добавить директор школы.

– Вот и Пашков то же самое говорит, – вспомнились Лешкины слова Ахметову.

– Пашков? – мигом насторожились директор и заместитель директора. – Опять эти «бешники».

– Пашков ни при чем, – тут же вступилась Школькова.

– Он всегда ни при чем, – с сомнением покачал головой Арсений Владимирович.

Уж ему-то, а впрочем, и всем в две тысячи первой было известно: Лешкину голову чуть ли не с первого класса переполняли заманчивые, но очень рискованные замыслы. Перед тем как осуществить их, Лешка производил скрупулезные расчеты, благодаря которым все должно было пройти без сучка и задоринки. Однако неумолимая жизнь вносила свои поправки. В результате от Лешкиных экспериментов страдали ни в чем не повинные учителя и ученики родной школы, а порой и жители Сухаревской площади и окрестностей.

Именно благодаря Лешке не так давно рухнула стена в директорском кабинете. Напрочь забились стоки бассейна, в который питомцев две тысячи первой возили сдавать зачеты по плаванию. Пострадал лимузин одного бизнесмена, на крышу которого приземлилась самодельная ракетная установка, изобретенная и запущенная Лешкой совместно с младшим братом-погодкой Сашком. Историй случалось много. Знаменитый нейрохирург Пашков-старший уверял, что почти весь заработок тратит на возмещение ущерба, нанесенного сыновьями различным организациям и частным лицам. Лешку постоянно подвергали наказаниям и длительным домашним арестам. Однако он не унывал. По его словам, даже у самых великих людей случались неудачи. Поэтому, не успев потерпеть очередное фиаско, неутомимый Пашков уже вынашивал новые планы. Словом, не было ничего удивительного, что Михаил Петрович и Арсений Владимирович немедленно заподозрили Лешку.

– Если не Алевтина Борисовна что-нибудь пролила, – продолжал доблестный заместитель по хозяйственной части, – то точно, Пашков. Никому другому в их классе такого в голову не придет, – даже с некоторым уважением добавил он. – Это ж надо так крепко приклеить.

– Ты, конечно, Арсений Владимирович, хотел сказать, что никому больше такого безобразия в голову не придет, – счел своим долгом расставить правильные акценты Михаил Петрович.

– Пашков ни при чем, – вновь повторила Моя Длина, однако на сей раз в ее голосе не слышалось прежней уверенности. «Неужели и впрямь Ребенок? – пронеслось у нее в голове. – Но когда он успел? Мы же все вместе в химический кабинет вошли».

– А я говорю: без Пашкова не обошлось, – стоял на своем Арсений Владимирович.

– Чем спорить, лучше обо мне позаботьтесь, – напомнил Роман Иванович. – А выяснением обстоятельств займемся позже.

– Действительно, – согласился директор. – А то скоро уж перемена. Вот выйдут ребята из классов, а посреди коридора преподаватель сидит – и ни тпру ни ну. Неудобно получится.

– Есть только два способа, – по-военному четко оценил ситуацию заместитель директора. – Либо спинку у стула пилить, либо брюки резать.

– Зачем брюки резать? – прогудел Роман Иванович. – У меня еще в других классах сегодня уроки. Что ж я, по-вашему, без штанов буду преподавать?

– Без штанов не годится, – сказал Михаил Петрович.

– И стул пилить жалко, – всегда стоял на страже школьного имущества доблестный заместитель по хозяйственной части. – У нас и так мебели всего ничего осталось. А на новую денег никак не выбью.

– Да, вообще лучше бы поберечь, – кивнул директор.

– А вы не можете позвонить домой Алевтине Борисовне? – подала идею Моя Длина.

– Мысль правильная, – ободряюще улыбнулся Арсений Владимирович. – Если, к примеру, что-нибудь пролилось по неосмотрительности химички, то она может знать, каким растворителем ликвидировать клеящие свойства.

– Тогда пошли в учительскую звонить, – первым двинулся на лестничную площадку директор.

Арсений Владимирович поспешил следом.

– А я? – возмущился Роман Иванович. – Что ж мне тут так и сидеть?

– Зачем сидеть, – возразил Арсений Владимирович. – С нами в учительскую пойдешь. Ты вроде уже отдохнул.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением покачал головой литератор.

Все-таки оставаться посреди коридора ему не хотелось. Поэтому он при помощи Марата Ахметова и Михаила Петровича, кряхтя, поднялся на ноги. Моя Длина подхватила стул. И впечатляющая процессия устремила в учительскую.

Там Романа Ивановича вновь бережно усадили. Михаил Петрович набрал номер Алевтины Борисовны. Едва узнав, в чем ее подозревают, нервная и к тому же больная гриппом химичка закатила директору жуткий скандал. Тот лишь вяло оправдывался. И мысленно проклинал на чем свет стоит Школьникову и Арсения Владимировича, которые посоветовали ему позвонить Алевтине.

– Как вам только могло подобное прийти в голову? – истошно верещала на том конце провода химичка. – Запомните, я не потерплю беспочвенных оскорблений!

– Вы уж меня извините, пожалуйста, – пробормотал директор.

– Кто вам сказал, что я могла такое сделать? – продолжала негодовать химичка.

– Да мне сказали, что это Пашков говорил, – отозвался Михаил Петрович.

– Пашков? – разразилась истерическим хохотом Алевтина Борисовна, у которой были давние счеты с Лешкой. – Пашков еще и не на это способен. Хорошо, что Роман Иванович вообще жив остался!

– Вы считаете, это он? – переспросил директор.

– Ну не я же, – несколько успокоилась химичка. – Типичная выходка в духе «вешников». Вернее, теперь «бешников», – поправились она. – То есть я как раз хотела сказать, что бывшие «бешники» тут ни при чем. Это кто-то из бывшего «В». И скорее всего, конечно, Пашков.

– Разберемся, – у Михаила Петровича уже звенело в голове от пронзительного голоса Алевтины Борисовны. – А сейчас вы, как опытный химик, скажите мне, можно ли что-нибудь сделать с Романом Ивановичем, то есть со стулом, – путались мысли у директора, – то есть, вернее, с брюками... Нет, нет, Алевтина Борисовна, я над вами совершенно не издеваюсь... Ну, да, понимаю... Конечно же, вы сегодня больны...

Больше Михаил Петрович ничего сказать не успел. Алевтина Борисовна бросила трубку.

– Придется нам, Арсений Владимирович, обходиться своими средствами, – беспомощно развел руками директор.

– Так, Роман Иванович, – не привык отступать перед трудностями бывший кадровый офицер. – Для начала попробуй снять брюки. Вдруг получится.

– Школьников, выйди, – потребовал литератор.

– А давайте я лучше отвернусь, – не хотела ничего пропустить Моя Длина.

– Отворачивайся, – согласился Роман Иванович.

Марат тоже хотел отвернуться, но Арсений Владимирович сказал:

– Ахметов, иди сюда. Помогать будешь. А ты, Роман Иванович, возмись плотнее в стул.

Иначе не расстегнешься.

Однако, сколько Роман Иванович не вжимался, снять брюки не удавалось. То есть он расстегнул их, но вот вылезти... Мешала все та же проклятая спинка стула.

– Нет, – наконец махнул рукой Арсений Владимирович. – Хочешь не хочешь, придется имущество портить.

– Чье имущество? – сильно заволновался Роман Иванович.

– Ну не твое же, – ответил заместитель директора по хозяйственной части. – Твое уже испорчено. Будем стул пилить. Пойду за инструментом.

Арсений Владимирович удалился на первый этаж в подсобку.

– Ничего, Роман Иванович, – обратился к литератору Михаил Петрович. – До звонка от стула освободим. А после Пашкова вызовем ко мне в кабинет.

– Это не Пашков, – в который раз попыталась Моя Длина вступить за Лешку.

– Пашков перед уроками с нами был, – вмешался Марат Ахметов. – Это вам подтвердит каждый в классе. Мы и пришли-то все после звонка.

– Безобразие! – гудел Роман Иванович. – Так поступать с заслуженным учителем России!

Тут дверь учительской широко распахнулась, и в нее вихрем влетела Алевтина Борисовна.

– Вы же на бюллетене! – изумленно вскричал директор.

– Я? А-апчхи! Пришла... А-апчхи! Чтобы... А-апчхи...

Тут химичка умолкла и принялась шумно сморкаться. Выглядела она весьма экзотически. Как позже рассказывала Моя Длина, «Алевтина словно из сумасшедшего дома сбежала». На химичке было короткое пальто нежно-персикового цвета, из-под которого торчал длинный небесно-голубой стеганый халат. Из-под халата виднелись ярко-красные пижамные брюки, заправленные в белые шерстяные носки. И обута химичка почему-то была в мужские ботинки размера эдак сорок пятого. А голову Алевтина обмотала лохматым козым платком.

– Алевтина Борисовна, идите домой и болейте себе на здоровье! – взмолился директор. – Мы вполне без вас обойдемся.

Химичка, громко шмыгнув длинным носом, простерла руки к Роману Ивановичу и крикнула:

– На его месте должна была оказаться я!

– Как-как? Повторите, пожалуйста! – вытаращился на нее Михаил Петрович.

Но Алевтина Борисовна, тихо охнув, упала в обморок.

– Школьников! Беги в медпункт! – распорядился директор и, схватив графин с водой, плеснул из него на лицо Алевтины.

– Сейчас распилим, – появился с пилой в руках Арсений Владимирович. – Ой, а она тут откуда? – склонился он над химичкой.

Та как раз открыла глаза. И увидела над собой пилу, которая покачивалась в угрожающей близости от ее носа.

– Убивают! – взвизгнула Алевтина и снова лишилась чувств.

– Нда-а! – озадаченно протянул заместитель директора по хозяйственной части. – Прямо не знаю, с чего и начать. То ли ее приводить в сознание, то ли со стулом заняться.

– Лучше со стулом, – порекомендовал Марат. – Алевтина Борисовна постоянно в обморок падает. И ей ничего не делается. Тем более Машка сейчас медсестру приведет. А Роман Иванович уже устал.

– В первую очередь помогите женщине!

Забыв, что приклеен, Роман Иванович резко вскочил на ноги. Раздался хруст. Отломанная спинка с грохотом упала на пол.

– Ну вот. И пилить не надо! – воскликнул Марат Ахметов.

Глава III

Большие последствия

Роман Иванович наконец смог распрямиться. Правда, сзади на нем по-прежнему болталось сиденье с двумя ножками. Но все равно пожилой учитель почувствовал себя гораздо лучше. Алевтина Борисовна с помощью приведенной Школьниковой медсестры тоже пришла в себя и вновь повторила:

– Вместо вас должна была оказаться я!

– Верно, – кивнул директор. – Вы же в последний момент сообщили, что больны. Так, так, – задумался он. – Значит, кто-то в вашем классе не подготовился к химии.

– У Пашкова с химией нормально, – поспешила сообщить Моя Длина.

– Это уж точно, – в который раз пытался оторвать сиденье с ножками от Романа Ивановича заместитель директора. – Отличная смесь. Мне бы такой клеек в хозяйстве.

– Может, вы еще Пашкову премию за его хулиганство дадите? – закричала химичка. – И вообще, – дотронулась она до платка, – почему у меня голова мокрая?

– Это, как бы сказать, – смущенно кашлянув, отозвался директор. – В общем, я вас таким образом приводил в чувство.

– Спасибо тебе, Михаил, большое! – взывала химичка. – Теперь я из-за твоих дурацких шуточек пойду по улице мокрая. А там, между прочим, октябрь месяц. Теперь я никогда не выздоровлю!

– С гриппом дома нужно сидеть, – возразил директор.

– Я не могу сидеть дома, – объяснила химичка. – Ведь на меня готовилось покушение!

– Идите домой, Алевтина Борисовна, – посоветовал Арсений Владимирович. – Вам до подъезда-то два шага. А за сигнал, конечно, спасибо.

– А голову, если хотите, я вам сейчас высушу феном, – предложила медсестра. – Пойдемте в медпункт.

Алевтина Борисовна, охая на ходу и твердя, что теперь ей уж точно не избежать осложнений, ушла в сопровождении медсестры.

– Ну так, – устало выдохнул заместитель директора. – От одной вроде избавились.

– Арсений Владимирович, не забывайся, – выразительно поглядел на него непосредственный начальник. – Тут эти... ученики.

– Виноват, – опустил глаза доблестный заместитель. – Я вот что сейчас решаю, – потропился он перевести разговор. – Обивку на стуле вырезать или от брюк у Романа Ивановича кусок отчищаем?

– Как это отчищаем? – вознегодовал пожилой учитель литературы. – Что же мне, после с голой задницей бегать?

– Роман Иванович! – схватился за голову директор. – Тут ученики!

– А потом у тебя трусы-то под брюками есть, – заботливо напомнил Арсений Владимирович.

– Вдруг они тоже приклеились? – опасался Роман Иванович.

– Сейчас проверим, – направился к нему Арсений Владимирович.

– Школьников, отвернись! – закричал директор.

– Уже отвернулась, – сообщила Моя Длина.

Толстый Роман Иванович, немного поерзав, сказал:

– С трусами вроде порядок, но все равно – брюки жалко. Вдруг их еще в химчистку примут.

– Значит, брюки тебе жалко, а школьный стул пропадай! – обиженно произнес Арсений Владимирович.

Тут в дело вмешался Марат Ахметов.

– У меня есть предложение.

– Предлагай, – разрешил заместитель директора.

– Сейчас попробую от Романа Ивановича отковырять этот клей ножичком, – сказал Ахметов.

– Молодец, – похвалил Арсений Владимирович. – Действуй, но только осторожно.

– Чтобы, если так можно выразиться, тела моего не задеть, – напутствовал в свою очередь Роман Иванович. – Но вообще я тебе, Ахметов, доверяю. Ты у меня в последнее время хорошо по литературе идешь.

Марат Ахметов и впрямь за последнее время взялся всерьез за занятия. Многие учителя даже утверждали, что в этом есть что-то противоестественное и добром Ахметов не кончит. Их вполне можно было понять. С первого по девятый класс Марат едва перебивался с двоек на тройки. До тех самых пор, пока отец его, бывший носильщик на Курском вокзале, а ныне сверхкрутой бизнесмен, Хамитяй Хамзяевич Ахметов, не отправил сына в платную школу. Марат сильно затосковал без родного класса. И дал Ахметову-старшему клятвенное обещание хорошо учиться, если тот вернет его в две тысячи первую. Отец сдался. Сын пока слово держал.

Вот и сейчас, приблизившись к литератору с раскрытым перочинным ножом фирмы «Викторинкс», Марат предложил:

– А хотите, я, пока буду стул отскребать, прочту вам Некрасова?

И Марат с чувством продекламировал:

– О Муза! Я у двери гроба!..

Услышав про гроб, Роман Иванович поежился и сказал:

– После прочтешь, Ахметов. А сейчас тебе лучше не отвлекаться. Действуй молча.

Моя Длина фыркнула. Марат от неожиданности дернулся. Брючная ткань затрещала.

– Ты что с моими штанами делаешь? – горестно возопил пожилой учитель.

– Теперь, Роман Иванович, с ними уже ничего не сделаешь, – отозвался Марат. – Дырка насквозь.

– Видимо, материал разъело, – сказал Арсений Владимирович.

– Может, дорвем? – кинул на него вопросительный взгляд Ахметов.

– Дорывай, – разрешил заместитель директора.

– А как же я? – спросил Роман Иванович.

– У меня в подсобке старые галифе лежат, – отвечал заместитель директора. – Как-нибудь уж сегодня в них прокантуешься.

– Не прокантуюсь! – грянул Роман Иванович. – Мне твои галифе только на нос налезут!

– Может быть, ты и прав, – посмотрел Арсений Владимирович на грузного литератора.

– Не волнуйтесь, Роман Иванович. Я вам сейчас куплю новые брюки, – заверил Марат Ахметов.

– Я не могу принимать такие дорогие подарки от учеников, – заартачился литератор.

– Это не подарок, а компенсация, – покачал головой Ахметов. – Ведь я ваши брюки порвал?

– Порвал, – вынужден был согласиться Роман Иванович. – Но ты же ведь не нарочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.